

Обычно в музыкальную школу Таню водила бабушка Зина, но мама поссорилась с ней и велела ехать самой. Сесть на трамвай №15, выйти на остановке «Верхняя», а там пристать к общему потоку детей и идти с ними. Девочка так и сделала.

Школа встретила её привычной какофонией звуков, дощатым музыкальным полом и портретами бородатых композиторов вдоль узкого коридора. Таня отзевала скучную теорию музыки, написала на пятёрку диктант по сольфеджио и без запинок сыграла концерт ре-минор Гайдна, заслужив от Ларисы Андреевны благодарность в дневник. Теперь мама непременно её похвалит, немного полюбит, а может быть, даже обнимет!

Дорога домой всегда короче. Таня запрыгнула в трамвай и стала смотреть на пробегающие за окном дома. Дома были старые, с облупившимися барельефами по фасадам. На них плечом к плечу теснились военные с мячами в руках, играющие на скрипках сталевары, колхозницы с книгами, балерины в окружении флагов и колосьев. Всякий раз, проезжая мимо каменных картин, девочка спрашивала бабу Зину: «Почему у военных в руках мячи, а не сабли, сталевары со скрипками, а балерины со снопами?». Та только пожимала плечами и теснее прижимала внучку к просторному, тёплому боку. Мама же объясняла путаницу с предметами культурным развитием, одинаково необходимым и военным, и рабочим с колхозниками, а уж тем более интеллигенции. Что такое «интеллигенция», Таня не вполне понимала, спросить стеснялась, но смутно догадывалась, что и её походы в музыкальную школу были продиктованы маминым замыслом культурного развития. И она готова была этот замысел воплощать, и быть культурной, и играть на скрипке, и получать одни пятёрки – лишь бы только мама её любила...

Люди входили и выходили из трамвая, засакаивали в закрывающиеся двери, сползали с подножек, волоча за собою сетки с грязной, похожей на земляные комья картошкой. Подсаживали детей и старушек, выносили коляски, заталкивали под сиденья чемоданы и узлы. Жалостно тренькал звонок, с шипом раскрывались и закрывались двери гармошкой, громыхали на стыках рельсы.

Сумерки приглушили очертания домов и стёрли барельефы. Сталевары опустили скрипки и с недоумением рассматривали гибкие смычки, застрявшие в заскорузлых, негнущихся пальцах. Мячи выпали из рук военных и покатались в сторону решающих уравнивания футболистов. Колосья и флаги опали – освобождённые балерины радостно закружились в фуэте...

– Остановка «Дворец Тельмана», следующая остановка «Сквер», – голосом диктора объявила вагоновожатая.

Таня вздрогнула и вскочила на ноги.

– Стойте, стойте! – закричала она на весь вагон. – Это моя остановка. Я забыла!

Она помчалась к выходу, куда уже вползала угрюмая вечерняя толпа. Девочка зацепилась ногой за чью-то сумку и больно ударилась коленкой о поручень. Но плакать было некогда – Таня пробираясь к двери, преодолевая сопротивление неизвестно откуда взявшихся людей.

– Подождите, не трогайте состав! Там девочка не вышла, – раздался с передней площадки бас.

Трамвай дёрнулся и застыл.

– Как тебе не стыдно, девочка, всех пассажиров задерживаешь, – прошипела ей вслед тётенька в дымчатом берете.

– С кем не бывает! – вступился другой пассажир.

– Эй, ты чё прёшь по ногам как по паркету! – чей-то острый локоть ткнул Таню в бок.

Было тесно и жарко. Ранец с нотами колотил по мокрой спине. Лента развязалась и застревала в людской трясине, цепляясь за пуговицы и застёжки. Но вот и спасительный выход. Девочка кубарем скатилась со ступенек, двери с лязгом захлопнулись за её спиной. Трамвай медленно пополз по чёрным, маслянистым рельсам. А Таня осталась стоять, усмиряя дыхание, остужая разгорячённое борьбой лицо. Потёрла рукой ушибленное колено. Поморщилась. Но колготки целы – это хорошо. Другой рукой на лету подхватила выскользнувшую из косы ленту и запихала в карман. Рук было непривычно много. Одна из двух обычно занята.

– Скрипка! Моя скрипка! – пронзило Таню.

Её скрипка осталась в трамвае. Проспав свою остановку, продираясь к выходу, она совсем о ней забыла. И скрипка осталась под креслом, и уехала вместе с пассажирами, наверное, уже далеко. Что теперь будет? – с ужасом подумала девочка, и слёзы полились по щекам горькими ручьями. Она знала, как дорожила мама этим инструментом, купленным с рук у дяди Вити – скрипача филармонического оркестра. Как долго искала она заветную четвертушку, как охотилась за кленовым корпусом. Как перетягивали потом смычок, и дядя Витя битый час подгонял инструмент к угловатой Таниной фигуре, соразмеряя её сутулость и скрипичное совершенство. Ещё и новый футляр с фланелевым подбоем! И канифоль, и запасные струны, и бархатная подушечка, сшитая на заказ. Беда!

Девочка застыла, не зная куда идти – то ли домой, то ли прочь от дома. Если домой – то попадёт, это точно. Если прочь – то куда? Разве что к бабушке Зине? Но Таня плохо помнила её адрес, знала только, что жила бабушка в двухэтажном доме, называемом бараком, в левом подъезде со скрипучей лестницей, у основания которой всегда лежал на подстилке очередной бездомный кот или кошка. Но где стоял тот двухэтажный дом? Кажется, неподалёку была детская горка. Таня запомнила её потому, что на боку горки нарисован играющий на скрипке кузнечик. Но нарисован неправильно – не так держал скрипку, и смычок короткий, и не натянут как следует, и струн-то пять, а должно быть четыре. К тому же кузнечик был левшой, а Таня сомневалась, можно ли играть на скрипке левой рукой.

Вечерняя мгла сгустилась. Девочка удручённо брела в сторону сквера, позади которого толпились старые бараки. Было страшно. Но не оттого, что вокруг ночь и темень, а оттого, что не знала она, что говорить теперь маме про скрипку. Как рассказать о пропаже? Чем объяснить свою преступную забывчивость? Простит ли её мама? Улыбнётся ли, сказав безобидное: «Эх ты, Маша-растеряша...»? Или будет кричать весь вечер, вспоминая папу и бабушку Зину? Как назло, и папы нет – уехал.

Между бараками было ещё темнее, чем в сквере. Единственный на весь двор фонарь освещал огромную лужу, в центре которой утонула старая шина. Чуть дальше маячили мусорные баки, остов дивана. Морщинистый тополь, стена ветхого сарая, и... – вот же она! – горка! Та самая, с кузнечиком на скрипке. Таня перевела дух и улыбнулась. Нашарила глазами подъезд, оттянула тугую пружину и вошла в дом. Острый кошачий запах ударил в нос, но перебился ароматом свежих булочек с корицей, какие могла печь только бабушка Зина. Девочка поднялась по лестнице и нажала кнопку звонка. Шаркающие шаги – и дверь распахнулась.

– Таточка! – всплеснула руками бабушка, – что стряслось? Как ты меня нашла? Почему одна? – она обхватила внучку выпачканной в муке рукой и увлекла за собой в прихожую.

Таня держалась до последнего, чтобы сказать всё по-взрослому – рассудительно и спокойно, но не выдержала и расплакалась, припав к тёплой бабушкиной груди.

– Я, я... – всхлипывала она, – я скрипку в трамвае забыла!

– Скрипку? В трамвае?

– Да-а-а! – уже в голос ревела Таня.

– О, господи! – вздохнула баба Зина. – Я думала, что-то случилось, – она подняла за подбородок заплаканное лицо внучки, и Тата поняла, что бабушка на неё ничуть не сердится. – С тобою всё в порядке? Дома всё хорошо?

Девочка кивала, размазывая по щекам слёзы.

– Ну-ну, хватит реветь, – бабушка гладила девочку по растрёпанной голове тыльной стороной ладони, но мука всё равно осыпалась на воротник. – Подумаешь, скрипка!

Тане на миг показалось, что скрипка никуда и не пропадала, а стоит сейчас за нею, на полу, прямо на полосатом коврик. Девочка покосилась назад, но скрипки там не было.

– Мама-то знает, что ты здесь? – спохватилась баба Зина.

– Нет.

– Ах, незадача. Ладно, я сейчас тебя отведу, – бабушка схватила Танины ладошки в свои большие, горячие от духовки руки. – Ой, да ты совсем замёрзла. Так, сначала греться! Марш на кухню! – командовала она и решительно стащила с внучки куртку.

На маленькой бабушкиной кухоньке было тепло и уютно. Тикали ходики. В тесной площадке громоздилось голенастое растение со смешным названием «золотой ус».

Баба Зина спрятала тесто, вымыла руки и поставила на плиту чайник. Перед Таней появилась любимая тарелка с зелёным ободком, доверху наполненная пленительно золотистыми булочками. Сладкий дурман корицы плыл над столом.

Бабушка вытащила из тяжёлого узла на затылке гребень и принялась расчёсывать им спутанные волосы внучки. У неё это получалась совсем не больно. Мама обычно торопилась, злилась на непослушные Танины косы, то и дело выдёргивала волосинки. Таня ойкала, а мама злилась от этого ещё больше. Бабушка скользила по волосам легко и плавно, будто ветерок обдувал голову. Если же встречался узелок – крепко зажимала его между пальцами и терпеливо распутывала. Пока вскипал чайник, Танина коса приняла первозданный утренний вид. Только банты баба Зина не умела завязывать так красиво, как мама. Но Тане этого и не требовалось.

– Ну-ка, давай, грейся! – бабушка поставила перед девочкой чашку с чаем и подвинула ближе тарелку с булочками.

Ничего вкуснее Таня никогда не ела. Булочки были маленькие, на два укуса, сверху – карамельно-хрустящие, с коричневыми узорами, а внутри мягонькие, как пух. Бабушка не торопила, а только глядела и глядела на внучку тихо, недвижно, с грустью, а может, с жалостью, – Таня не очень-то разбиралась в лицах.

– Наелась, Таточка? – спросила баба Зина, когда Танины щёки зарумянились. – Я тебе сейчас с собой в мешочек положу. Маму угостишь, папу.

– Не хочу уходить, – надулась Таня. – Бабуль, а можно я у тебя останусь?

– Таточка, мама волноваться будет. Она ведь не знает, где ты, – бабушка сняла фартук.

– Не пойду! – упрячилась Таня. – Я боюсь, боюсь! – твердила, вцепившись в табуретку.

– Чего ты боишься, Тата? Ещё не так поздно. Я тебя провожу, – бабушка, кряхтя, надевала шерстяную кофту.

– Как я маме про скрипку скажу? – в глазах девочки снова заблестели слёзы.

Бабушкины булочки с чаем отгеснили сегодняшнюю трагедию. Но теперь неотвратимость разговора с мамой выросла перед ней вновь.

– Я сама ей всё объясню, – пообещала бабушка. – А завтра с утра в депо схожу. Там есть уголок забытых вещей. Никуда не денется твоя скрипка. Небошь уже лежит там и ждёт, когда за ней придут.

Бабушка с внучкой оделись и вместе вышли в неудобную вечернюю мглу.

По дороге баба Зина рассказывала про танцы под духовой оркестр в этом самом сквере, куда она бегала ещё девчонкой. И даже рассмешила Таню описанием одного танцора, который, чтобы казаться выше, подкладывает под пятки сложенные газеты, а во время Летки-енки они возьми да и вывалились! Ботинки-то были отцовские, на два размера больше, чем надо.

Вот и дом. Чем выше поднималась Таня по крутым ступеням, тем медленнее переставляла ноги и тем сильнее вжимала голову в плечи. Даже бабушка Зина обогнала её, хотя дважды останавливалась отдышаться.

Мама стояла в проёме двери – красивая и неприступная.

– Ты где шляешься? – взгляд её был суров и непреклонен. – Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Занятия закончились два часа назад!

– Погоди, Белла, она у меня была, – вступилась за внучку баба Зина.

– Зинаида Николаевна, я вас не спрашиваю! – еле сдерживая ярость, ответила мама. – Я дочь свою спрашиваю – пусть сама учится отвечать за свои поступки, – она схватила девочку за рукав куртки и рывком втащила в дом.

Баба Зина проворно нырнула следом.

– Где ты была? Отвечай!

– У бабушки, – испуганно пролепетала девочка.

– Да у меня она была, у меня! – в сердцах воскликнула баба Зина. – Скрипку в трамвае забыла.

Переживает очень.

– Что-о-о? Скрипку? – закричала мама. – Переживает? Да вы посмотрите на неё – не переживает она, а издевается надо мной! Ты знаешь, сколько я за эту скрипку отвалила? – мамино лицо искажилось и стало неузнаваемым. – Знаешь, сколько ждала, пока дяди Витин сын вырастет из неё? Как волновалась, чтобы эту скрипку Гринёвы не увели? Да что я говорю! Кому я говорю! – Белла развернулась и вихрем бросилась прочь, вглубь квартиры.

Бабушка скинула боты, начала суетливо раздевать Таню, но девочка вырвалась и побежала вслед за матерью.

– Мамочка, я, я, я...

– Что ты якаешь как ишак? – оборвала её женщина. – Слушать противно. Глаза б мои на тебя не смотрели! Непутёвая, вся в отца.

– Ничего, ничего, она сейчас остынет, – шептала бабушка, переобувая окаменевшую Таню в тапочки. – Ты на неё не обижайся, наверное, на работе устала.

– Беллочка, не волнуйся! Я завтра прямо с утра пойду в депо, верну скрипку, – баба Зина изо всех сил старалась восстановить мир в семье. – Только прошу тебя, не ругай Тату, она ведь нечаянно, она ребёнок, – добавила тихо, чтобы не слышала внучка.

– Носитесь все со своей Татой, как с писаной торбой! Хотя бы кто меня пожалел! Сколько сил я в неё вложила, сколько труда, заботы. А она, неблагодарная...

– Но это всего лишь скрипка. Кому она нужна? Найдётся!

– Что за чушь вы несёте! – нервно рассмеялась Белла. – Всего лишь скрипка, говорите? Да эта скрипка... она стоит... Если Таньку не ругать, она и голову свою потеряет! – женщина решительно затянула пояс халата. – Вот что: отправляйтесь-ка вы лучше домой, Зинаида Николаевна! Как-нибудь сама разберусь, как свою дочь воспитывать. Без вашей помощи. Вы своё уже отвоспитывали!

Она схватила бабу Зину за пальто и, не дав опомниться, выставила за дверь.

Таня стояла возле окна, грызла ногти и зверем косилась на мать. Глаза её сухо блестели.

– Зачем ты бабу Зину прогнала?

– Тебя не спросила!

– Она хорошая.

– Да у тебя все хорошие, только я плохая! – взвизгнула мама. – Вот умру – поймёшь тогда, кто хороший, кто плохой, – она упала в кресло и прикрыла глаза.

– Не надо, мамочка, – Таня затряслась в беззвучных рыданиях. – Не умирай! Я найду скрипку!

– Да где ты её теперь найдёшь, дура? Её кто-нибудь умный уже нашёл. А тебе отец пусть в комиссионке дрова покупает – будешь на них пиликать!

– Я всё равно на «отлично» год закончу. Обещаю! – не сдавалась Таня, глотая слёзы. – И «Полонез Огинского» разучу!

– Учи, – равнодушно ответила мама и ушла на кухню.

Таню трянуло, потом ещё раз. Ноги подкосились, и она упала на пол. Закричала, забилась, заплакала, замолотила руками. Её боль была так нестерпима, что девочка не могла дышать. Воздух входил и выходил из неё только с криком. Только сбитые до крови костяшки пальцев помогали переносить муку. Баба Зина ушла. Если б папа был дома, он бы обнял её и увёл в другую комнату. Он сказал бы, что всё пройдёт, всё наладится, и необязательно играть на скрипке, чтобы тебя любили.

Но и его не было рядом.

Мама вбежала в комнату с перекошенным лицом. В руках она держала стакан воды и какие-то таблетки.

– На, выпей! – протянула она лекарство, но Таня отбросила её руку. – Ах, ты так?!

Мама налегла на дочь всем телом, обхватила рукой её голову, и стала одну за другой запихивать сквозь сомкнутые зубы жёлтые горошины. Дочь брыкалась, но мать была сильнее. Женщина заливала воду в рот дочери. Вода текла по шее и капала на ковёр. Дочь хрипела и рвалась. Но таблетки сделали своё дело, и вскоре истерика утихла. Таня обмякла и сидела, привалившись к маминому плечу, всхлипывая и вздрагивая всем телом.

– Всё, всё, всё, – повторяла мама, думая о том, что нужно бы показать дочь хорошему психиатру. А девочка нежилась в лучах этой случайной, недолговечной близости.

Наутро пришла бабушка Зина. В руках она держала Танину скрипку.

– Вот, скрипочка твоя нашлась, целёхонькая, – она протянула её внучке, – как я и думала, в уголке забытых вещей стояла.

Мама выхватила футляр, щёлкнула застёжками и заглянула внутрь – всё цело, даже канифоль на месте.

– Вовремя, – заметила удовлетворённо, – ей к специальности как раз нужно готовиться. Ну, говори спасибо, что молчишь? – она ткнула Таню в спину, – и выпрямись, наконец!

Как же девочке хотелось броситься сейчас через порог к бабушке Зине, прижаться к её мокрому от дождинок пуховому платку! Как не терпелось сказать спасибо не только за найденную скрипку, но и за то, что она просто есть – такая тёплая, такая добрая. Похвалить булочки с корицей. Спросить про рыжего кота с порванным ухом. Но рядом стояла мама. И Таня только вымученно улыбнулась, проговорила «спасибо» и поцеловала бабу Зину в холодную щёку.

– Ну, всё, нам пора заниматься, – сказала мама. – До свидания, Зинаида Николаевна! – и закрыла дверь перед самым бабушкиным носом.

Таня слышала, как вздохнула за дверью бабушка, как пошла вниз, ступая грузно и виновато, как вспомнила на полпути о пакете с горячими булочками в сумке, охнула, хотела было вернуться, да только махнула рукой, не решаясь нарушить хрупкий мир между мамой и Татой. Как шла она по грязной дороге в свой двор с горкой, как заходила в подъезд и трепала за ухом рыжего кота. Потом поднималась к себе на второй этаж, надевала клетчатый фартук, месила тесто и пекла новые булочки...

